

Экономика социальной сферы

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Вадим РАДАЕВ, Зоя КОТЕЛЬНИКОВА

Вадим Валерьевич Радаев —
доктор экономических наук, профессор.
E-mail: radaev@hse.ru

Зоя Владиславовна Котельникова — кандидат
социологических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: kotelnikova@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
(101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20)

Аннотация

В фокусе работы находятся длительные изменения в структуре потребляемых алкогольных напитков, наблюдаемые в российском обществе с конца XX столетия. В статье проанализирована советская структурная модель потребления алкоголя, сформировавшаяся в 1960–1980-е годы, изучен опыт борьбы государства с самогоноварением, рассмотрен двойной слом советской модели в результате экономико-политических шоков, прослежено возникновение новых тенденций в потреблении алкоголя промышленного и домашнего производства в 2000-е годы и их прерывание в 2010-е годы. Отдельно обсуждается вклад нынешней российской алкогольной реформы в изменение структурной модели потребления алкоголя. В работе используются три комплементарных источника эмпирических данных: статистика Росстата об объемах потребления алкоголя, которая для понимания трендов советского периода дополняется экспертной статистикой нелегального алкоголя, а для изучения постсоветского периода — данными о динамике доли потребителей основных алкогольных напитков, полученными в ходе панельных опросов взрослого населения Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 1994–2015 годы. Статистические и опросные данные демонстрируют в целом сходные тенденции в потреблении алкоголя. Происходят короткие циклы колебаний потребления как легального, так и нелегального алкоголя; эти рынки в отдельные периоды могут двигаться в одном или в противоположных направлениях. Причиной эволюции выступает комбинированное влияние экономических и политических факторов, вклад которых меняется с течением времени. После прохождения ряда циклов к 2010-м годам основные тенденции прерываются, и выстраивается новая структура потребления алкоголя. Эту структуру пока нельзя считать устойчивой. Но в целом модель потребления алкоголя постепенно эволюционирует, уходя от традиционного для России северного стиля потребления.

Ключевые слова: потребление алкоголя, домашний алкоголь, алкогольная политика, панельные опросы, Россия.

JEL: P23, P36, Z13.

Проект был поддержан академическим грантом Международного альянса за ответственное потребление алкоголя (The International Alliance for Responsible Drinking, IARD). Сбор данных по проекту RLMS-HSE осуществлялся из средств Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Мы благодарны сотрудникам исследовательского коллектива И. Г. Кратко и Я. М. Рошиной за участие в проекте, а также всем сотрудникам Лаборатории экономико-социологических исследований за важные замечания в ходе обсуждения данной работы.

Введение

В России как минимум в течение последнего десятилетия реализуется новая алкогольная политика государства. Мнения по поводу ее эффективности существенно расходятся, что порождает закономерный вопрос: в какой степени принятые меры реформирования производства и торговли алкогольными напитками влияют на объем и структуру их потребления в стране.

Подобно большинству российских антиалкогольных кампаний нынешняя реформа имеет внутренне противоречивые цели, вынуждающие ее разрываться между потребностью повышать налоговые поступления в государственный бюджет и борьбой за оздоровление нации путем снижения потребления алкоголя и перехода к более разумной структуре потребления алкогольных напитков. Основания для беспокойства по поводу здоровья нации не надуманные. Во-первых, мы имеем высокий уровень общего потребления алкоголя. По этому показателю к началу 2010-х годов Россия занимала четвертое место в мире, в два с половиной раза превышая среднемировой уровень и уступая лишь нескольким странам из бывшего СССР [WHO, 2014]. Во-вторых, в потреблении россиян высок удельный вес крепких алкогольных напитков, доля которых почти в три раза превышает уровень «идеальной» структуры потребления с минимальными негативными последствиями [Edwards et al., 1994]. В-третьих, для России характерно чрезмерное потребление алкоголя и связанная с ним повышенная смертность, особенно среди мужчин [Haworth, Simpson, 2004; Leon et al., 2009]. И, в-четвертых, по-прежнему велика доля нерегистрируемого алкоголя, который применительно к России, даже по официальным измерениям, достигает 24% общего потребления [WHO, 2014], а по экспертным оценкам (из тех, что могут заслуживать доверия), доходит до 40%.

Влияние антиалкогольных реформ в посткоммунистических странах пока изучено слабо [Lachenmeier et al., 2011]. А эффективность современной российской антиалкогольной политики рассматривается в относительно немногочисленных исследованиях [Немцов, 2009; Khaltourina, Korotayev, 2008; Gil et al., 2009; Neufeld, Rehm, 2013; Radaev, 2015].

Что нам известно о влиянии алкогольных реформ на потребление алкоголя из научной литературы? Если речь идет о фискальных мерах, то взаимосвязи между повышением налогов на алкогольную продукцию, ростом розничных цен и потреблением алкоголя в разных странах изучены довольно хорошо [Chaloupka et al., 2002; Mäkelä et al., 2007, Wagenaar et al., 2009]. Обычно алкоголь рассматривается как «стандартный товар» с относительно высоким уровнем эластичности по цене. В экономической литературе снижение потребления алкоголя в результате повышения цен считается одним из наиболее

надежных и эмпирически подтвержденных результатов — на примере России и многих других стран [Andrienko, Nemtsov, 2005]. Метаанализ 1003 оценок, полученных на основе 112 исследований, продемонстрировал, что повышение акцизов и налогов с продаж как минимум приводит к аналогичному росту розничных цен на алкогольную продукцию. Получены и надежные статистические свидетельства влияния повышения цен на снижение потребления всех основных алкогольных напитков [Wagenaar et al., 2009].

Впрочем, для России этот вопрос до конца не ясен. Из истории известно, что многие попытки государства решить фискальные задачи и ограничить потребление алкоголя оставались безуспешными из-за, например, активной деятельности по производству и продажам домашнего алкоголя [Treml, 1986]. При этом влияние роста цен на производство и потребление нерегистрируемого алкоголя изучалось сравнительно редко. Имеющиеся исторические свидетельства по данному вопросу в России не демонстрируют однозначных результатов [Немцов, 2009]. Хотя господствует представление о том, что при повышении цен на алкоголь промышленного производства потребление домашнего алкоголя, как правило, возрастает [Haworth, Simpson, 2004], прежде всего за счет замещения водки самогоном при повышении розничных цен на водку [Andrienko, Nemtsov, 2005]. Но это представление заслуживает дополнительной проверки.

Важно и то, что нынешняя алкогольная реформа в России осуществляется на фоне долгосрочных изменений в структуре потребляемых алкогольных напитков. В частности, еще с середины 1990-х годов, по данным официальной статистики и опросов населения, в России снижается душевое потребление водки и ликероводочных изделий, бывших долгое время основной категорией алкогольных напитков [Денисова, 2010; Neufeld, Rehm, 2013]. Как мы увидим далее, крепкие напитки, по крайней мере частично, уступают свое место вину и в особенности пиву. Доля потребителей пива уже в 2002 году превысила долю потребителей водки [Рошина, 2012; Radaev, 2015]. Однако стоит отметить, что эти изменения соответствуют глобальным трендам в потреблении алкоголя: страны, которые традиционно относились к северному стилю потребления алкоголя, сегодня движутся в направлении центрально-европейского и средиземноморского стилей с характерным для них преобладанием потребления менее крепких алкогольных напитков [Mäkelä et al., 2012; Popova et al., 2007].

В данной статье, начав с короткого экскурса в историю, мы проанализируем, как выглядела советская структурная модель потребления алкоголя, как разворачивалась борьба с самогоноварением и к чему она приводила. Затем рассмотрим, как произошел двойной слом советской модели потребления в результате шоковых экономико-политических воздействий, проследим за возникновением

новых тенденций в потреблении алкоголя промышленного и домашнего производства в 2000-е годы и их прерыванием в 2010-е годы. И наконец, попытаемся понять роль макроэкономических факторов и алкогольной политики государства во всех этих изменениях.

1. Источники данных

Мы будем сочетать три основных источника данных, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения. Первый источник — данные Росстата об объемах душевого потребления алкоголя по основным видам напитков в пересчете на литры чистого алкоголя за весь исследуемый период. При изучении советского периода и периода либеральной экономической реформы начала 1990-х годов мы дополним данные официальной статистики вторым источником — статистикой экспертов, которые пытались рассчитать объемы потребления нелегального алкоголя (самогона), не учитываемого официальной статистикой, за исключением одного короткого периода в 1980-х годах, когда пытались собирать государственную закрытую статистику о потреблении самогона [Tremel, 1982, 1986, 1997; Немцов, 2009].

В постсоветский период, начиная с 1994 года, статистика Росстата будет дополняться третьим источником — опросными данными, полученными в ходе Российского мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения НИУ ВШЭ (далее — RLMS-HSE)¹. Мониторинг представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов индивидов и домашних хозяйств, проводимых на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. Используемые нами данные 1994–2015 годов репрезентируют взрослое население всех регионов России и всех типов поселений.

Несмотря на то что данные RLMS-HSE позволяют рассчитывать объемы потребления алкогольных напитков, в этой работе мы будем в большей степени опираться на данные о доле респондентов, потреблявших основные алкогольные напитки в течение последних 30 дней, предшествовавших опросу. Иными словами, речь пойдет о самом факте потребления алкоголя или об отказе от такого потребления. Дело в том, что вовлеченность в потребление из-за ее простоты более адекватно отражается в опросных данных, нежели показатели объема потребления алкоголя, которые существенно занижаются в ходе опросов в силу сложностей калькуляции и более частых от-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле (США) и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> и <http://www.hse.ru/rhms>).

казов респондентов от ответа, что отмечалось в международной практике [Livingston, Callinan, 2015] и в отношении данных RLMS-HSE [Nemtsov, 2004]. Сопоставление же данных Росстата о динамике уровня потребления и комплементарных данных RLMS-HSE о динамике доли потребителей позволит нам более объемно представить изучаемую картину (по крайней мере в постсоветский период).

Мы используем информацию о потреблении основных видов алкогольных напитков промышленного производства (водка и ликероводочные изделия, сухое вино, пиво) и домашнего производства (самогон, вино), в сумме составляющих в настоящее время почти 90% общего потребления алкоголя. Прочие, менее распространенные виды алкогольных напитков остаются вне рамок данного исследования.

Данное исследование имеет еще одно ограничение, касающееся нерегистрируемого алкоголя. Мы рассматриваем домашний алкоголь и вынуждены оставить без внимания другие виды нерегистрируемого алкоголя (продукты неучтенного промышленного производства, поддельный алкоголь, алкогольные суррогаты). Эти виды алкоголя несомненно важны, особенно в условиях России, ибо их потребление может быть связано с ущербом для здоровья и риском для жизни [Gil et al., 2009; Solodun et al., 2011]. Однако потребление этих видов нерегистрируемого алкоголя сложнее улавливать стандартизованными опросными методами, и в официальной статистике его параметры отсутствуют.

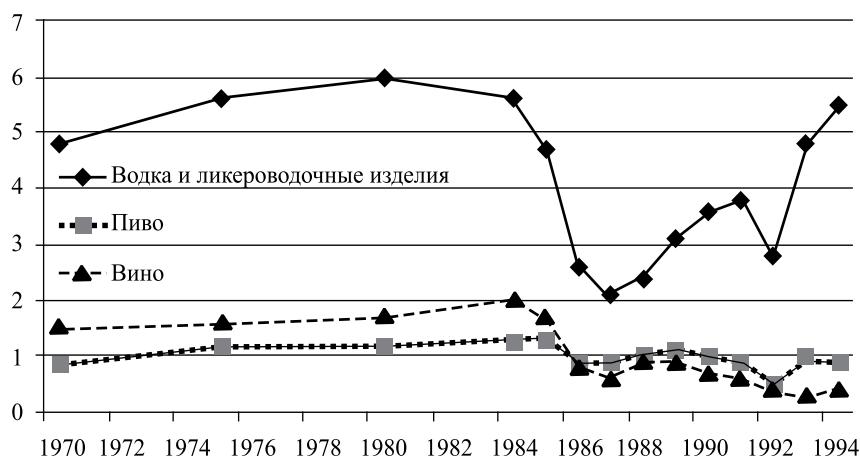
2. Формирование и слом советской модели потребления алкоголя

Начнем с краткого исторического экскурса в советское время, который поможет нам лучше понять контекст изучаемой проблемы. В первой половине XX века потребление алкоголя в СССР оставалось на относительно невысоком уровне — в пределах 3–4 л чистого алкоголя на душу населения, что как минимум в три раза меньше современного российского уровня. Сначала потребление алкоголя сдерживалось сухим законом, введенным еще царским правительством в 1914 году в связи с началом Первой мировой войны и продленным большевиками до 1924 года. Затем резкое сокращение потребления алкоголя — как легального, так и нелегального — произошло в период Великой отечественной войны. Сказывался как один из факторов и характерный для всего данного периода общий низкий уровень материального благосостояния населения.

В послевоенное время начинает складываться советская структурная модель потребления алкоголя, которая была описана в работах Владимира Тремла и Александра Викентьевича Немцова [Treml, 1982, 1986, 1997; Немцов, 2009]. О чем говорится в этих работах? По мере роста материального благосостояния населения в 1960–1970-е годы

в Советском Союзе (как и в большинстве европейских стран) росло потребление легального алкоголя, увеличившись более чем в два раза и достигнув своего пика к середине 1980-х годов (10,5 л чистого алкоголя на душу населения без учета нелегального алкоголя). Основным алкогольным напитком являлась водка, составлявшая более 50% общего потребления алкоголя и до двух третей легального алкоголя. По сравнению с сегодняшним временем потреблялось относительно много вина, в том числе импортного (по общему литражу оно в течение почти всего периода соответствовало душевому потреблению водки — примерно по 13–15 л в год). Картина дополняется весьма умеренным потреблением пива, не превышавшим 25 л на душу населения в год. Добавим, что качество продаваемого вина и пива в это время оставляло желать лучшего. Сложившаяся в 1960–1980-е годы советская структурная модель потребления алкоголя выглядела так: в пересчете на чистый алкоголь потреблялось 5–6 л водки и ликероводочных изделий (это близко к уровню 2010-х годов), 1,5–2 л вина (как минимум в полтора раза выше уровня 2010-х годов) и 1,2–1,3 л пива (в 3–4 раза меньше уровня потребления 2010-х годов). Заметим, что потребление всех трех алкогольных напитков постепенно возрастило по мере повышения уровня жизни населения (рис. 1).

Существенным элементом общей картины выступает значительное по масштабам потребление самогона, к которому мы вернемся чуть позже. Пока же отметим, что в целом мы имеем дело с типичным северным стилем потребления алкоголя с преобладанием крепких алкогольных напитков и относительно малым потреблением вина и пива [Popova et al., 2007].

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата и [Tremli, 1997].

Рис. 1. Розничные продажи водки, пива и вина в России на душу населения, 1970–1994 годы (в литрах чистого алкоголя)

Данная советская структура потребления легального алкоголя была надломлена в результате двух последовательных внешних шоковых воздействий. Первое шоковое воздействие было преимущественно политическим — речь идет о горбачевской антиалкогольной кампании 1985–1987 годов. Вторым шоковым воздействием (экономико-политическим), окончательно сломавшим сложившуюся структуру потребления, стала либеральная экономическая реформа 1992–1994 годов. Двойной слом советской модели наглядно демонстрируется на рис. 1. Видно также и то, что продажи водки после шоковых воздействий относительно быстро восстанавливаются, продажи пива колеблются на невысоком уровне (около 1 л на душу населения), а вот продажи вина падают до предельно низкого уровня — менее 0,5 л на душу населения. Произошли и существенные изменения в сегменте нелегального алкоголя.

3. Золотой век самогоноварения

На протяжении всего XX столетия важную роль в России играет нелегальный алкоголь домашнего производства. Практики самогоноварения поддерживаются высокими ценами на легальный алкоголь (прежде всего на водку). Утверждается, что объем потребляемого самогона в 1920-е годы превышал потребление водки в четыре раза, и не менее 10% всех домохозяйств занимались производством и продажей самогона [Zaigraev, 2004].

Использование самогона развивается волнообразным образом. В послевоенный период на его долю приходится почти половина (45%) общего объема потребления крепкого алкоголя. Далее, на фоне улучшения материального благосостояния и роста потребления алкоголя промышленного производства, доля самогона постепенно сокращается до 35% в конце 1970-х годов и до 27% в 1984 году, но при этом абсолютные объемы растут, стимулируемые широкой доступностью сахара как основного ингредиента [Treml, 1982, 1986, 1997; Немцов, 2009]. По ориентировочным данным, домашнее вино в эти годы производится чуть ли не в тех же объемах, что и самогон, но в литрах чистого алкоголя этот объем почти в четыре раза меньше. Добавим, что основная часть домашнего вина производилась в советское время в Молдавии, Грузии и Армении, то есть за пределами нынешней России [Treml, 1986].

Следует отметить периодические попытки государства в советский период ограничить потребление алкогольных напитков и прежде всего вытеснить нелегальный домашний алкоголь. Они начались с самого зарождения советской власти, когда в 1919 году производство, продажа и покупка самогона были запрещены и стали объектом уголовной ответственности.

После Великой отечественной войны, в соответствии с Уголовным кодексом 1948 года, за самогоноварение даже для собственных нужд можно было получить до двух лет тюремного заключения, а за производство самогона на продажу — до семи лет. Но даже самые жесткие запреты и угроза наказаний не работали. Основная часть производства организовывалась на базе домохозяйств. Бороться с массой мелких производителей было сложно, особенно с учетом того, что население, а нередко и местная милиция, были на их стороне. Признавая так или иначе свое бессилие, государство в дальнейшем снижает уровень наказаний за самогоноварение. К 1960 году максимальные тюремные сроки за самогоноварение для собственных нужд и на продажу уменьшаются соответственно до одного и трех лет. В 1987 году уголовная ответственность заменяется административной, а в 2001 году производство домашнего алкоголя для собственного потребления становится легальным, в то время как его продажа по-прежнему остается под запретом.

Периодически государство начинало антиалкогольные кампании, например в 1958-м и 1972-м годах, но в целом они не приводили к сколь-либо заметным результатам [Немцов, 2009]. Наиболее серьезной стала знаменитая горбачевская антиалкогольная кампания 1985–1987 годов, в ходе которой были существенно повышенены цены на алкогольные напитки, введены многочисленные запреты на производство, продажи и потребление, ужесточены наказания за нарушения, связанные с использованием алкоголя [White, 1996; Bhattacharya et al., 2012]. В результате использование легального алкоголя быстро сократилось в два с половиной раза (с 10 до 4 л на душу населения). Но как минимум половина этого падения была замещена потреблением самогона, которое выросло на с 4 до 7 л и в 1987 году достигло почти двух третей (64%) общего потребления алкоголя [Vroublevsky, Harwin, 1998, Немцов, 2009] (рис. 2). После достаточно быстрого сворачивания горбачевской антиалкогольной кампании в 1988–1991 годы потребление легального алкоголя частично восстановилось (прежде всего за счет растущего потребления водки), при этом потребление самогона сохранялось на высоком уровне, достигая 54% общего объема потребления. Северный стиль потребления алкоголя в этот период торжествует и еще более укрепляется.

Вторым фактором, надломившим советскую структурную модель, стали либеральные экономические реформы 1992–1994 годов. Дeregulирование торговли сопровождалось либерализацией цен и массовым замещением легального алкоголя нелегальным [Andrienko, Nemtsov, 2005]. При этом, хотя потребление самогона в 1990-е годы, по некоторым данным, несколько выросло [Тапилина, 2006], резкий рост нелегального алкоголя происходил уже преимущественно за счет других источников. На deregулированный российский рынок хлынул дешевый фабричный алкоголь, включая чистый спирт,

Источники: Росстат, [Немцов, 2009].

Рис. 2. Душевое потребление легальной и нелегальной алкогольной продукции в России, 1980–2000 годы (в литрах чистого алкоголя)

напитки низкого качества и откровенные подделки, многие из которых импортировались в страну или зачастую ввозились контрабандными способами новыми частными предпринимателями [Немцов, 2009]. Заметим, что подобный массовый приток импортного алкоголя наблюдался в реформенный период и в других восточно-европейских странах [Moskalewicz, Simpura, 2000], Россия здесь не является исключением. Это продолжалось до тех пор, пока в середине 1990-х годов государство не усилило контроль над алкогольными рынками, приведший к росту легального и снижению нелегального алкоголя. После нового кризиса 1998 года наблюдается короткая по-вышательная волна потребления нелегального алкоголя. Начавшийся в 2000-е годы экономический рост привел к повышению потребления легального алкоголя, а доля нелегального вновь начинает снижаться.

4. Через циклы к формированию новой модели потребления алкоголя

Что изменилось в структуре потребления алкогольных напитков в ходе экономического роста после 2000 года? По данным Росстата, происходило устойчивое снижение душевого потребления водки и ликеро-водочных изделий. Оно началось в первый же год экономического роста (1999-й) и продолжалось с небольшими флуктуациями в течение всего периода (рис. 2). В литрах чистого алкоголя это потребление снизилось с 8 до 5 на душу населения. При этом по крайней мере до 2007 года происходило частичное замещение креп-

ких алкогольных напитков активно растущим потреблением пива, которое выросло с 2 до 5 л, почти уравнявшись с водкой. Этот рост стал результатом начавшейся в России в 1995 году десятилетней «пивной революции». Именно в это время вводятся запреты на рекламу водки на телевидении и начинается массированная реклама пива. Но главное, в Россию приходят глобальные производители с серьезными инвестициями, они приобретают лучшие российские предприятия, переоснашают их импортным оборудованием и резко повышают качество изготавляемых напитков. В итоге по сравнению с советским временем потребление пива вырастает в четыре-пять раз.

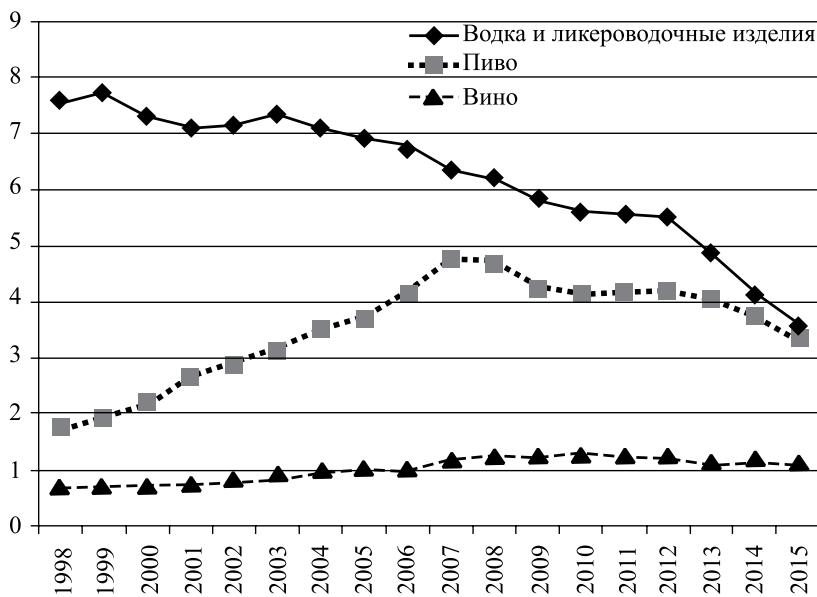
Душевое потребление вина в этот период растет устойчиво, но куда более скромными темпами, увеличиваясь всего на 0,5 л чистого алкоголя и всё еще сильно отставая от советского уровня. Опыты горбачевской реформы с вырубанием виноградников здесь оказались наиболее разрушительными, и восстановить виноделие даже в прежнем его объеме не удается.

Обратим внимание на то, что потребление алкоголя развивается волнообразным образом с характерными циклами, длившимися 10–20 лет (общую концепцию исторических циклов потребления алкоголя см., например, в: [Skog, 1986]). По данным Росстата, в 1970-х — середине 1980-х годов происходит рост душевого потребления легального алкоголя с 8 до 11 л. Затем горбачевская реформа подрезает эту повышательную волну, и во второй половине 1980-х годов потребление падает с 11 до 5 л. Либерализация торговли в 1992 году открывает новые возможности и поднимает новую волну, потребление возрастает до 9 л. Затем после ограничений 1995 года вновь наблюдается небольшое понижение — до 7–8 л на душу населения. В период экономического роста 2000–2007 годов душевое потребление легального алкоголя устойчиво растет с 8,0 до 9,7 л чистого алкоголя, а с кризисного 2008 года начинает снижаться с небольшими колебаниями и к 2015 году возвращается к точке даже чуть ниже исходного уровня (6,8 л чистого алкоголя), завершая очередной своеобразный цикл. Таким образом, мы видим периодические волны в потреблении легального алкоголя с колебаниями между 7 и 11 л чистого алкоголя на душу населения.

Другое важное наблюдение: начиная с кризиса 2008 года ключевые тенденции приостановились и структура потребления основных алкогольных напитков (в литрах чистого алкоголя) относительно стабильна. Так, после нескольких пертурбаций в 2010-х годах мы получили новую структуру потребления алкоголя. Она включает в пересчете на чистый алкоголь 5–6 л водки и ликероводочных изделий (с тенденцией к дальнейшему сокращению), чуть более 4 л пива и чуть более 1 л сухого вина на душу населения (рис. 3). Добавим, что мы наблюдаем общее снижение душевого потребления алкоголя, прежде всего за счет снижения потребления мужчин, которые традиционно пили в несколько раз больше,

и соответствующего уменьшения гендерных различий, а также за счет уменьшения потребления алкоголя в более молодых возрастных группах. В 2014–2015 годы рецессия переходит в экономический кризис и потребление водки вновь начинает падать, снижаясь в 2015 году до 3,5 л чистого алкоголя на человека. На этот раз к водке присоединяется и пиво, душевое потребление которого тоже начинает снижаться, опускаясь в 2014–2015 годах ниже отметки в 4 л чистого алкоголя. Потребление вина держится, но тоже не растет, продолжая колебаться вокруг отметки, близкой к 1 л чистого алкоголя (см. рис. 3).

В итоге: если советская модель потребления была связана с безусловным доминированием водки и самогона, заметным потреблением вина (включая крепленое вино) и небольшим потреблением пива, то новая структура потребления характеризуется доминированием и обострившимся соперничеством водки и пива с небольшим потреблением вина и самогона. Насколько эта структура устойчива, пока сказать трудно. Чтобы проверить ее на устойчивость, нужно достичь нормальной ситуации, когда Россия выйдет из экономического кризиса и завершится активная фаза антиалкогольной реформы.

Источники: Росстат².

Рис. 3. Розничные продажи водки, пива и вина в России на душу населения, 1998–2015 годы (в литрах чистого алкоголя)

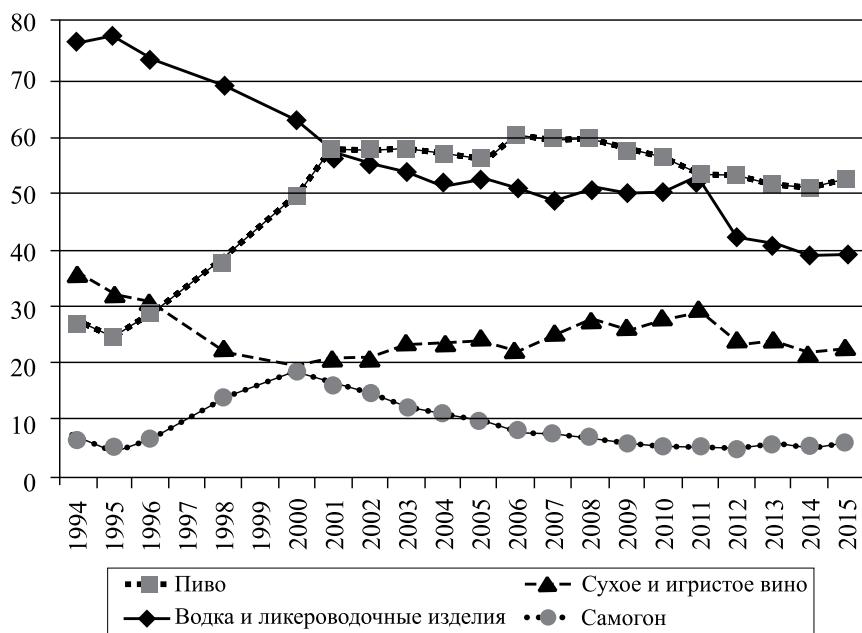
² Расчеты были произведены И. Г. Кратко в рамках совместного с авторами статьи исследовательского проекта, реализованного при поддержке Международного альянса за ответственное потребление алкоголя (The International Alliance for Responsible Drinking, IARD) в 2012–2015 годах.

5. Самогон больше не замещает падающее потребление водки

От данных Росстата перейдем к анализу опросных данных RLMS-HSE, которые использовались в ряде предшествовавших нашей работе исследований [Andrienko, Nemtsov, 2005; Денисова 2010; Рошина, 2012; Мартыненко, Рошина, 2014]. Здесь обратим внимание не на объемы потребления, которые почти неизбежно занижаются в опросных данных, а на долю потребителей тех или иных алкогольных напитков за последние 30 дней, предшествовавших опросу. На рис. 4 видно, что доля потребителей водки и ликеро-водочных изделий устойчиво снижается с 1995-го по 2007 год. В период 2009–2011 годов эта доля на время стабилизируется, чтобы с 2012 года продолжить свое снижение. Напротив, доля потребителей пива в 1996–2000 годы резко выросла (с 24 до 58%) и относительно стабилизировалась в 2001–2005 годах, превысив при этом историческую отметку — долю потребителей водки. Хотя по объему потребления в литрах чистого алкоголя пиво еще продолжает отставать, разрыв существенно сократился. После такого символического превращения России из «водочной» страны в «пивную» начиная с 2006 года доля потребителей пива несколько снижается (с 60 до 52%). Сказываются в том числе ограничения начавшейся антиалкогольной реформы, включая ступенчатый запрет на рекламу пива в средствах массовой информации. Что касается вина, то после некоторого снижения доли его потребителей в 1995–2000 годах в период экономического роста в 2000-е годы происходит постепенное ее увеличение, затем в период рецессии и кризиса — начиная с 2012 года — эта доля вновь несколько снижается.

Данные RLMS-HSE позволяют нам дополнить общую картину свидетельствами о потреблении самогона, которые отсутствуют в официальной статистике. И здесь мы обнаруживаем важный перелом, произошедший на рубеже тысячелетий. До этого, во второй половине 1990-х годов, доля потребителей самогона заметно выросла: с 5–6 до 19%, а после 2000 года начинается устойчивое сокращение этой доли с возвращением к 5% пьющего населения к 2010 году (рис. 4). Характерно, что в 2010-е годы снижение прекращается, но потребление самогона по доле респондентов остается на исторически минимальном уровне. Добавим, что мужчины потребляли самогон значительно чаще, чем женщины, в течение всего периода наблюдения. Более молодые возрастные когорты были менее вовлечены в такое потребление, чем представители старших возрастов. Среди сельских жителей доля потребителей самогона, как правило, вдвое превышала средний уровень. Но несмотря на все различия по указанным группам, кривые, фиксирующие динамику доли потребителей самогона, имеют сходную форму перевернутой параболы. Это означает, что для всех основных групп населения потребление само-

гона частично замещало снижающееся потребление водки лишь до 2000 года, а дальше потребление фабричного и домашнего крепкого алкоголя по доле потребителей снижается параллельно. И в отличие, скажем, от периода горбачевской антиалкогольной кампании мы имеем новую ситуацию, когда сокращение потребления водки уже не компенсируется растущим потреблением самогоня ни по статистическим данным об уровне потребления, ни по опросным данным о доле потребителей.

Источник: RLMS-HSE.

Рис. 4. Доля потребителей водки, вина, пива и самогоня в России за последние 30 дней, 1994–2015 годы (%)

При сопоставлении данных Росстата и RLMS-HSE на рис. 3 и 4 несложно заметить сходство фиксируемых тенденций с некоторыми частичными смещениями во времени. Мы видим, что доля потребителей водки и ликероводочных изделий снизилась в два раза (с 78 до 39%) и в большей степени, чем уровень их душевого потребления (с 8 до 5 л). Вероятно, это происходит вследствие отказа от водки части потребителей, которые и раньше потребляли ее относительно немного (в первую очередь представителей молодых возрастных групп).

Потребление вина в 2000–2008 годы растет по обоим параметрам. Доля потребителей за этот период увеличивается в полтора раза (с 20 до 30%), а затем в 2010 годы возвращается почти к исходному уровню

22–23%. Душевой же уровень потребления вина вырастает в 2000–2008 годы почти вдвое и затем стабилизируется на уровне 1,2 л. Это означает, что часть любителей вина несколько увеличили его потребление.

Наконец, доля потребителей пива увеличивается в 1995–2000 годах в 2,5 раза (с 24 до 60%). Сходным образом — в 2,6–2,7 раза — повышается и уровень душевого потребления пива, но начальной точкой здесь является 1998 год (рост с 1994 года здесь явно более значителен — не менее 4 раз). Это означает, что в начальный период «пивной революции» второй половины 1990-х годов рост потребления пива происходил и за счет вовлечения новых потребителей, и за счет увеличения потребления пива теми же самыми потребителями, а затем, в 2001–2007 годы, вовлечение новых потребителей приостановилось и повышение обеспечивалось преимущественно растущим потреблением тех, кто был приобщен к пиву ранее.

6. Новая антиалкогольная реформа

Итак, в период 2010-х годов происходит явное прерывание тенденций, характерных для 2000-х годов. Уровень потребления основных алкогольных напитков промышленного производства тормозится, а в 2014–2015 годы снижается. Доли потребителей этих напитков после некоторых колебаний стабилизируются. Возникает вопрос о причинах таких изменений. В литературе отмечается важная роль новой алкогольной политики российского правительства [Neufeld, Rehm, 2013]. Остановимся на ней несколько более подробно.

С известной долей условности можно сказать, что начало реализации новой государственной политики приходится на 2006 год, когда были введены акцизные марки и Единая государственная автоматизированная информационная система (ЕГАИС), предназначенная для государственного контроля над объемом производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции [Levintova, 2007; Gil et al., 2009]. Активная же фаза антиалкогольной реформы началась в 2009 году, когда была создана Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка (Росалкогольрегулирование). В конце этого же года распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 года № 2128-р принимается новая концепция государственной антиалкогольной политики, основная цель которой — обеспечить более чем двукратное снижение общего потребления алкоголя в России к 2020 году³.

³ Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года. Одобрена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 года № 2128-р: http://fsrar.ru/policy_of_sobriety/konsepcia.

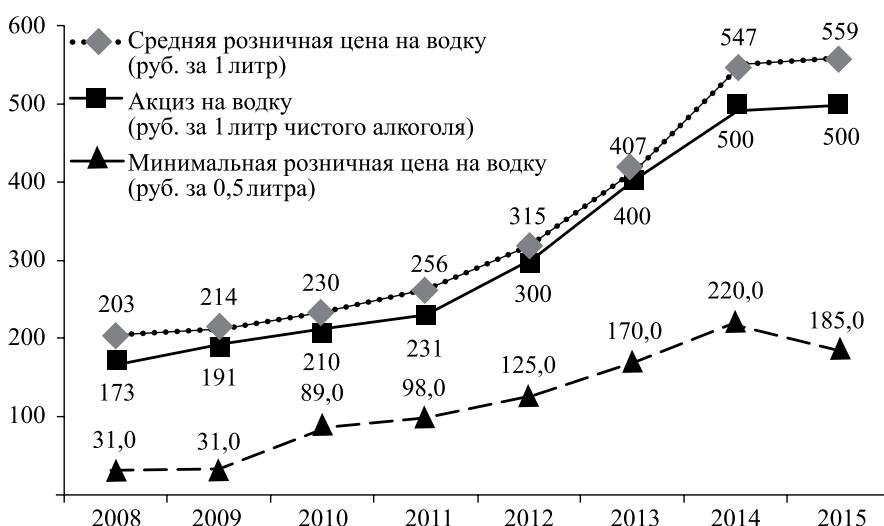
В отличие от горбачевской антиалкогольной реформы, которая была очень жесткой, но кратковременной и в силу этого во многом обратимой, нынешняя антиалкогольная реформа в целом мягче, но продолжительнее и отчасти последовательнее. Поэтому ее результаты на первый взгляд могут быть и не видны, но зато она способна породить в конечном счете более серьезные и необратимые последствия.

В ходе нынешней реформы вводятся разнообразные ограничительные меры, касающиеся производства, реализации и потребления алкогольных напитков. В 2011 году выдвигаются новые технические требования к производителям алкоголя, нацеленные на вытеснение мелких игроков. Например, до 80 млн руб. поднимаются требования к минимальному уставному капиталу производителей водки. Одновременно производится перелицензирование производителей и дистрибуторов алкогольных напитков, приведшее к сокращению их общего числа на 30–40%. С 2012 года вводятся ограничения продаж алкогольной продукции в вечернее и ночное время. Федеральная норма запрещает продажи с 23 до 8 часов, но региональные и местные власти могут ужесточать эти ограничения путем введения дополнительных часов (что многие и сделали). Кое-где время запрета продаж было увеличено с 9 до 10–11 часов, а кое-где — до 12–13 часов и даже более.

Кроме того, вводятся ограничения параметров и мест размещения торговых объектов, торгующих алкоголем, которые теперь должны находиться на определенной дистанции от образовательных, медицинских, спортивных и культурных учреждений. В 2012 году начинается ступенчатое ограничение, а потом и запрещение рекламы алкогольных напитков на телевидении и радио, в печатных средствах массовой информации. С 2011 года запрещается продажа алкогольных напитков на автозаправочных станциях. В 2013 году вводится запрет на продажу пива в киосках. Продавать алкогольные напитки (включая пиво) теперь можно только в стационарных торговых объектах с площадью не менее 50 кв. м (не менее 25 кв. м в сельских районах).

Наиболее заметной и обсуждаемой мерой стала введенная с 2012 года ускоренная индексация ставок акцизов на алкогольную продукцию, сопровождаемая повышением минимальных розничных цен на водку (МРЦ). Акцизы росли и раньше, но более умеренными темпами. Например, в 2009–2011 годах ставки акцизов на водку повышались однократно — по 10% в год. А в 2012 году были последовательно проведены два повышения — на 10 и 20%. В 2013 году эта ставка выросла на треть, а в 2014 году еще на четверть. И если до 2012 года в относительных величинах (в пересчете по индексу потребительских цен) уровень акцизов несколько снижался, то теперь он начал расти не только абсолютно, но и относительно — растет его доля в цене продукта.

В результате всего за три года (2011–2014) ставки акцизов на водку были повышенены в 2,4 раза, на отечественное вино — в 2 раза, на отечественное пиво — в 2,3 раза. А минимальная розничная цена на пол-литровую бутылку водки была повышенена за эти годы с 89 до 220 руб., то есть также в 2,5 раза (рис. 5). Поскольку динамика средних розничных цен на водку тесно и значимо связана с индексацией акцизов и с изменением минимальной розничной цены на водку (по нашим расчетам, за период 2000–2014 годов с использованием коэффициента Пирсона, $r > 0,9$; $p < 0,01$), повышение акцизов и МРЦ не замедлило сказаться на росте цен. По данным Росстата, в 2011–2014 годах средние розничные цены на водку выросли в 2,4 раза, на отечественное вино — в 1,4 раза, на отечественное пиво — в 1,6 раза. Чтобы показать ощущимость данного роста, отметим, что реальные располагаемые денежные доходы населения выросли в 2011–2014 годах лишь на 7%. Алкоголь значительно подорожал — и в абсолютном, и в относительном измерении.

Источники: Росстат, Росалкогольрегулирование.

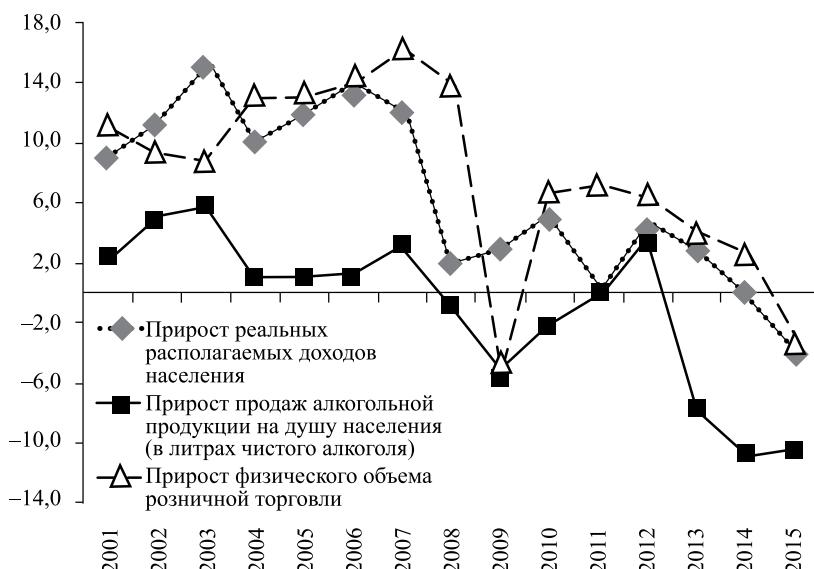
Рис. 5. Динамика акцизов на водку, минимальной и средней розничных цен на водку в России на конец года, 2008–2015 годы (руб.)

В этих условиях возникает естественный соблазн объяснить ранее зафиксированное нами снижение потребления алкоголя промышленного производства именно влиянием антиалкогольной реформы (по аналогии с горбачевской кампанией), и в первую очередь упомянутых фискальных мер. Несомненно, такое влияние имеется, но процесс, по нашему мнению, несколько более сложен. На воздействие новой, более сглаженной реформы насылаются макроэко-

номические факторы, приводящие к изменению реальных доходов населения, которые, в свою очередь, почти неизбежно влияют на уровень потребления алкоголя.

Заметим, что наиболее серьезные изменения в структуре потребления алкоголя произошли в период 2001–2007 годов, когда среднегодовой рост ВВП и реальных располагаемых доходов населения достигал соответственно 7 и 10%. Эти тренды прерываются в период финансового кризиса 2008–2009 годов и начавшейся в 2012 году рецессии, перешедшей через два года в новый экономический кризис. Как продемонстрировано в исследованиях по России, потребление алкоголя в период экономических кризисов может рассматриваться как определенная «роскошь», от которой многие потребители вынуждены отказываться [Ekström et al., 2003]. И хотя воздействие кризисов на потребление алкоголя в российской и мировой практике не считается однозначным и может зависеть от складывающихся конкретных условий [Jukkala et al., 2008; de Goeij et al., 2015], всё же алкоголь относится к товарным категориям, которые уязвимы в кризисные периоды, когда потребление алкоголя, как правило, сокращается или потребители переходят к более дешевым вариантам.

Этот тезис хорошо иллюстрируется рис. 6, на котором видно, что в 2001–2015 годах кривая прироста продаж алкогольной продукции к предшествующему году довольно устойчиво следует за кривыми при-

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

Рис. 6. Прирост физического объема розничной торговли, продаж алкогольной продукции и реальных располагаемых доходов населения в России, 2001–2015 годы
(% к предшествующему году)

роста физического объема розничной торговли и реальных располагаемых доходов населения. Коэффициент корреляции между этими тремя параметрами равен 0,7–0,8 при $p < 0,01$, то есть связь сильная и значимая.

Можно сделать вывод о наличии комбинированного влияния экономических и политических факторов. Причем их соотношение меняется со временем и с изменением сравнительной силы этих факторов. Так, если по отношению к 2011–2014 годам следует предположить более активное влияние реформенных мер (ускоренного повышения ставки акцизов и введения дополнительных ограничений продаж), то начиная с 2015 года должно было усилиться влияние ухудшающейся макроэкономической ситуации. Если в 2010–2014 годах темпы роста ВВП снизились с 4 до 1%, то в 2015 году они ушли в минус на 4%. В 2014 и 2015 годах ушли в минус на 1 и 4% соответственно и темпы роста реальных располагаемых доходов населения, которые в 2010–2013 годах прирастали в среднем на 3%.

С 2015 года антиалкогольная реформа несколько притормозилась. Снижение продаж легального алкоголя (и соответствующее уменьшение поступлений в государственный бюджет) в 2013–2014 годы было воспринято российским правительством (не без воздействия представителей алкогольной индустрии) как прямой негативный эффект новой фискальной политики и как повод скорректировать эту политику. В результате вместо запланированного ранее дальнейшего повышения акцизов на крепкие алкогольные напитки на 32% в 2015–2016 годах ставки акцизов были неожиданно заморожены (розничные цены продолжили расти, но более умеренно). Кроме того, минимальная розничная цена на водку в 2015 году была снижена на 16% (с 220 до 185 руб. за 0,5 л) — впервые с момента введения этой цены в 1996 году (см. рис. 5). С 2015 года на телевидении и радио была вновь разрешена реклама вина, произведенного из отечественного винограда, запрещенная в 2012 году; смягчены ограничения в отношении рекламы пива. Новые существенные ограничения уже не вводились. Смягчение антиалкогольных мер объяснялось прежде всего экспансией нелегального алкоголя, которое, как утверждали, было порождено повышением цен на легальный алкоголь. Четких эмпирических подтверждений тому не предъявлялось — скорее, использовались очень грубые и отчасти завышенные экспертные оценки. Но снижение поступлений в госбюджет от продаж алкогольной продукции правительство напугало. В любом случае влияние антиалкогольной реформы на потребление алкоголя с 2015 года скорее всего уменьшается, в то время как воздействие макроэкономических факторов должно было возрасти. Дополнительным подтверждением данного вывода может служить передача в начале 2016 года Росалкогольрегулирования из прямого подчинения Правительству РФ Министерству финансов — фискальные мотивы одержали верх.

Подобные процессы наблюдаются и в некоторых других странах, например в бывшей социалистической Эстонии со сходным уровнем потребления алкоголя. В этой стране с середины 2000-х годов также были введены ограничения, связанные с антиалкогольной политикой. Но и здесь нелегко определить, в какой мере происшедшее впоследствии снижение потребления алкоголя было вызвано этими ограничениями, а в какой стало результатом экономического спада, проявившегося в снижении уровня душевого ВВП и в уменьшении экономической доступности алкоголя в результате сокращения душевых доходов относительно цен на алкогольные напитки [Lai, Habicht, 2011].

Картина еще более усложнится, если мы поймем, что не всё определяется экономикой и политикой. Ведь и возникновение, и прекращение отмеченных нами трендов в потреблении алкоголя произошло до начала активной фазы антиалкогольной реформы. Как мы видели, некоторые тренды (например, снижение потребления водки) возникли еще в середине 1990-х годов — до начала экономического роста. На изменение структуры и стилей потребления могут оказать влияние культурные и поколенческие сдвиги, приводящие в том числе к замещению одних алкогольных напитков другими. Например, зафиксировано, что представители более молодых поколений чаще переходят от потребления водки к потреблению пива, а группы с более высоким уровнем образования частично замещают потребление водки и ликероводочных изделий потреблением вина [Денисова, 2010; Kueng, Yakovlev, 2015]. Эти культурные и поколенческие сдвиги, в свою очередь, требуют содержательных объяснений и специальных исследований. Например, они могут порождаться развитием новых внутренних правил, возникающих в сетях прямых и опосредованных социальных связей [Skog, 1986]. В любом случае краткосрочные эффекты антиалкогольных мер могут перемежаться с влиянием других экзогенных и эндогенных факторов, а также проявляться в перспективе, будучи отложенными во времени.

Заключение

После революционных и военных потрясений первой половины XX столетия в России в 1960–1980-е годы сформировалась советская модель потребления алкоголя. В структурном отношении для нее были характерны следующие черты: безусловное доминирование водки и ликероводочных изделий, заметное количество отечественного и импортного вина разного, но в основном невысокого качества и умеренное потребление дешевого отечественного пива откровенно низкого качества. Дорогая и высококачественная водка дополнялась значимым количеством домашнего самогоня, часть которого производилась для нужд собственного потребления и отличалась неплохим

качеством, а другая часть (часто более низкого качества) реализовалась на нелегальном рынке.

В период перестройки, последующих реформ и экономических кризисов наблюдались короткие циклы колебаний потребления как легального, так и нелегального алкоголя. В отдельные периоды эти рынки двигались в противоположных направлениях, частично замещая друг друга, в другие периоды двигались параллельно, не демонстрируя замещения. После нескольких циклов, к 2010-м годам, сформировалась новая структура потребления алкоголя. В ней на равных соперничают относительно подешевевшая водка и значительно более качественное пиво (последнее уже выигрывает по числу потребителей, но пока уступает по объему потребления в литрах чистого алкоголя). На относительно низком уровне остается потребление вина резко возросшего качества, но сильно подорожавшее в относительных ценах. И на исторически низкой отметке стабилизировалось потребление самогона и домашнего вина.

Объективная статистика в основном показывает тенденции, сходные с опросными данными, собранными в 1994–2015 годах в рамках RLMS-HSE. Но опросы предоставляют дополнительные свидетельства, позволяющие говорить о том, что с 2000 года потребление самогона перестало замещать падение потребления фабричных крепких алкогольных напитков. Объемы потребления и доли потребителей крепкого алкоголя промышленного и домашнего производства снижаются параллельно, частично замещаясь, по крайней мере до 2007 года, потреблением пива и вина. Является ли новая структура потребления алкоголя устойчивой, и можно ли говорить о сложившейся постсоветской модели? Вряд ли, поскольку потребление алкоголя испытывает влияние одновременно двух непостоянных экзогенных факторов: реализуемой с 2006 года новой алкогольной политики и начавшейся в 2012 году рецессии, плавно перешедшей в экономический кризис. Становимся ли мы в 2010-е годы свидетелями перелома возникших в 2000-е годы тенденций к изменению структуры потребления алкоголя? Тоже маловероятно. И в случае антиалкогольной кампании, и в случае экономического кризиса мы имеем дело не с постоянными, а с временными (транзитными) шоками [Stillman, 2001]. Скорее, речь идет о характерной для большинства таких шоковых воздействий временной приостановке ранее сложившихся тенденций, которые, как правило, возобновляются по их завершении.

Зафиксированные изменения структуры потребления алкогольных напитков в целом соответствуют трендам, выявленным при анализе профиля России Всемирной организацией здравоохранения [WHO, 2014]. Можно заключить, что в России складывается более здоровая, по международным меркам, структура потребления алкоголя. Пока что она сильно отличается от некой «идеальной» структуры потребления

алкогольных напитков, фиксирующей соотношение, которое, по мнению ведущих международных экспертов, минимизирует негативные последствия. При такой структуре в общем потреблении алкогольных напитков пиво составляет 50%, вино — 35%, а крепкие напитки — 15% [Edwards et al., 1994]. Для приближения к этой структуре потребление пива и вина в России должно еще подрасти за счет дальнейшего сокращения потребления крепких алкогольных напитков.

В отличие от горбачевской антиалкогольной реформы, которая была очень жесткой, но кратковременной и в силу этого во многом обратимой, нынешняя антиалкогольная реформа в России в целом мягче, но продолжительнее и во многом последовательнее. Поэтому ее результаты на первый взгляд могут быть и не видны, зато в конечном счете она способна вызвать более серьезные и необратимые последствия. Но оценивая ее влияние, не стоит забывать, что отмеченные нами тренды начались до разворачивания новой антиалкогольной реформы в 2006–2007 годах, и тем более до начала ее активной фазы в 2009 году. Конечно, прерывание данных трендов с 2008 года могло произойти под воздействием ограничительных мер. Однако в неменьшей степени на это повлияли финансовый кризис 2008–2009 годов и последующая рецессия, переросшая в новый кризис, когда многие стали сокращать потребление алкоголя или искать более дешевый фабричный либо домашний алкоголь. Таким образом, весьма сложно отделить влияние, оказываемое на потребление алкоголя промышленного или домашнего производства мерами антиалкогольной политики, от влияния макроэкономических факторов, вызывающих изменение реальных располагаемых доходов населения.

Литература

1. Денисова И. Потребление алкоголя в России: влияние на здоровье и смертность / Аналитические отчеты и разработки ЦЭФИР/РЭШ. 2010. № 31.
2. Мартыненко П.А., Рошина Я.М. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Том 15. № 1. С. 20–42.
3. Немцов А. В. Алкогольная история России: новейший период. М.: Либроком, 2009.
4. Рошина Я. М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. № 2. С. 238–257.
5. Тапилина В. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 85–94.
6. Andrienko Y., Nemtsov A. Estimation of individual demand for alcohol / Economics Education and Research Consortium Working Paper Series. 2005. № 05/10.
7. Bhattacharya J., Gathmann C., Miller G. The Gorbachev anti-alcohol campaign and Russia's mortality crisis / IZA Discussion paper No 6783, 2012.
8. Chaloupka F. J., Grossman M., Saffer H. The Effects of Price on Alcohol Consumption and Alcohol-Related Problems // Alcohol Research and Health. 2002. Vol. 26. P. 22–34.

9. *Gil A., Polikina O., Koroleva N., McKee M., Tomkins S., Leon D. A.* Availability and characteristics of nonbeverage alcohols sold in 17 Russian cities in 2007 // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2009. Vol. 33. P. 79–85.
10. *de Goeij M. C. M., Suhrcke M., Toffolutti V., van de Mheen D., Schoenmakers N. V., Kunst A. E.* How economic crises affect alcohol consumption and alcohol-related health problems: A realist systematic review // *Social Science and Medicine*. 2015. Vol. 131. P. 131–146.
11. *Edwards G., Anderson P., Babor T. F., Casswell S., Ferrence R., Giesbrecht N., Godfrey C., Holder H. D., Lemmens P., Mäkelä K., Midanik L., Norström T., Österberg E., Romelsjö A., Room R., Simpura J., Skog O.-J.* Alcohol policy and the public good. Oxford: Oxford University Press, 1994.
12. *Ekström K. M., Ekström M. P., Potapova M., Shanahan H.* Changes in food provision in Russian households experiencing perestroika // *International Journal of Consumer Studies*. 2003. Vol. 27. No 4. P. 294–301.
13. *Haworth A., Simpson R.* Moonshine markets: Issues in unrecorded alcohol beverage production and consumption. New York and Hover: Brunner-Routledge, 2004.
14. *Jukkala T., Makinen I. H., Ferlander S., Vagero D., Kaslitsyna O.* Economic strain, social relations, gender, and binge drinking in Moscow // *Social Science and Medicine*. 2008. Vol. 66. P. 663–674.
15. *Khaltochina D. A., Korotayev A. V.* Potential for alcohol policy to decrease the mortality crisis in Russia // *Evaluation and the Health Professions*. 2008. Vol. 31. P. 272–81.
16. *Kueng L., Yakovlev E.* How persistent are consumption habits? Micro-evidence from Russia / NBER Working Paper No 20298, 2015.
17. *Lachenmeier D. W., Taylor B. J., Rehm J.* Alcohol under the radar: Do we have policy options regarding unrecorded alcohol? // *International Journal of Drug Policy*. 2011. Vol. 22. P. 153–160.
18. *Lai T., Habicht J.* Decline in alcohol consumption in Estonia: Combined effects of strengthened alcohol policy and economic downturn // *Alcohol and Alcoholism*. 2011. Vol. 46. P. 200–203.
19. *Leon D. A., Shkolnikov V. M., McKee V.* Alcohol and Russian mortality: A continuing crisis // *Addiction*. 2009. Vol. 104. P. 1630–1636.
20. *Levintova M.* Russian alcohol policy in the making // *Alcohol and Alcoholism*. 2007. Vol. 42. P. 500–505.
21. *Livingston M., Callinan S.* Underreporting in alcohol surveys: whose drinking is underestimated? // *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*. 2015. Vol. 57. P. 341–343.
22. *Mäkelä P., Tigerstedt C., Mustonen H.* The Finnish drinking culture: Change and continuity in the past 40 years // *Drug and Alcohol Review*. 2012. Vol. 31. P. 831–840.
23. *Mäkelä P., Bloomfield K., Gustafsson N. K., Huhtanen P., Room R.* Changes in volume of drinking after changes in alcohol taxes and travellers' allowances: Results from a panel study // *Addiction*. 2007. Vol. 103. P. 181–191.
24. *Moskalewicz J., Simpura J.* The supply of alcoholic beverages in transitional conditions: The case of Central and Eastern Europe // *Addiction*. 2000. Vol. 95. P. 505–522.
25. *Nemtsov A. V.* Alcohol consumption in Russia: Is monitoring health conditions in the Russian Federation (RLMS) trustworthy? // *Addiction*. 2004. Vol. 98. P. 386–387.
26. *Neufeld M., Rehm J.* Alcohol consumption and mortality in Russia since 2000: Are there any changes following the alcohol policy changes starting in 2006? // *Alcohol and Alcoholism*. 2013. Vol. 48. P. 222–230.
27. *Popova S., Rehm J., Patra J., Zatonski W.* Comparing alcohol consumption in Central and Eastern Europe to other European countries // *Alcohol and Alcoholism*. 2007. Vol. 42. P. 465–473.

28. *Radaev V.* Divergent drinking patterns and factors affecting homemade alcohol consumption (the case of Russia) // International Journal of Drug Policy. 2016. Available at: doi:10.1016/j.drugpo.2016.04.016.
29. *Radaev V.* Impact of a new alcohol policy on homemade alcohol consumption and sales in Russia // Alcohol and Alcoholism. 2015. Vol. 50. P. 365–372.
30. *Skog O. J.* The long waves of alcohol consumption: a social network perspective on cultural change // Social Networks. 1986. Vol. 8. P. 1–32.
31. *Stillman S.* The response of consumption in Russian households to economic shocks / IZA Discussion Paper. No 411. Bohn: IZA, 2001.
32. *Treml V.* Soviet and Russian statistics on alcohol consumption // Premature death in the new independent states / J. L. Bobadilla, C. A. Costello, F. Mitchell (eds.). Committee on population, commission on behavioral and social sciences and education, National research council. Washington, DC: National Academy Press, 1997. P. 220–238.
33. *Treml V.* Alcohol in the Soviet underground economy // Studies in the Second Economy of the Communist Countries / G. Grossman (ed.). Berkeley: University of California Press, 1986.
34. *Treml V. G.* Alcohol in the USSR. A statistical study. Durham, NC: Duke Press Policy Studies, 1982.
35. *Vroublevsky A., Harwin J.* Russia // Alcohol and emerging markets: Patterns, problems, and responses / M. Grant (ed.). Philadelphia: Brunner and Mazel, 1998. P. 203–222.
36. *Wagenaar A. C., Salois M. J., Komro K. A.* Effects of beverage alcohol price and tax levels on drinking: A meta-analysis of 1003 estimates from 112 studies // Addiction. 2009. Vol. 104. P. 179–190.
37. *White S.* Russia goes dry: alcohol, state and society. New York: Cambridge University Press, 1996.
38. World Health Organization Global Status Report on Alcohol and Health. Geneva: World Health Organization, 2014.
39. *Yakovlev E.* Peers and alcohol: Evidence from Russia / CEFIR/NES Working Paper series. Working Paper 182, 2012.
40. *Zaigraev G.* The Russian model of noncommercial alcohol consumption // Moonshine Markets: Issues in Unrecorded Alcohol Beverage Production and Consumption / A. Haworth, R. Simpson (eds). New York: Brunner-Routledge, 2004. P. 31–40.

Ekonomicheskaya Politika, 2016, vol. 11, no. 5, pp. 92-117

Vadim V. RADAEV, Dr. Sci. (Econ. and Soc.), professor. E-mail: radaev@hse.ru

Zoya V. KOTELNIKOVA, Cand. Sci. (Soc.). E-mail: kotelnikova@hse.ru

National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation).

Changes in Alcohol Consumption and Governmental Alcohol Policy in Russia

Abstract

This paper focuses on structural changes in alcohol consumption observed in Russia since the late 20th century. It explores the Soviet structural patterns of alcohol consumption shaping in the 1960–1980^s. Governmental attempts to combat illegal production and sales of homemade distilled spirits (samogon) are overviewed. We analyze how the Soviet

drinking patterns were broken down by two exogenous political and economic shocks and how the new trends in consumption of manufactured and homemade alcohol emerged in the 2000s. We also discuss an impact of the ongoing anti-alcohol campaign on changes in alcohol consumption. Three complementary data sources are used. They include the Rosstat official statistics on the level of alcohol consumption, expert statistics on illegal alcohol consumption in the Soviet period, and data on percentage of drinkers of main alcoholic beverages collected from the RLMS-HSE nationwide panel survey of individuals aged 15+ years in 1994-2015. Both statistical and survey data demonstrate similar trends. We observe recurrent cycles in consumption of licit and illicit alcohol that may move in parallel or in opposite directions in different periods of time. These changes in alcohol consumption are explained by the combined impact of economic and policy factors that may vary over time. The new trends were interrupted, and new patterns of alcohol consumption emerged in Russia in the 2010s. These patterns are not sustainable yet. However, they gradually move away from the traditional Northern style of drinking.

Keywords: alcohol consumption, homemade alcohol, alcohol policy, panel studies, Russia.

JEL: P23, P36, Z13.

References

1. Denisova I. Potreblenie alkogolya v Rossii: vliyanie na zdorov'e i smertnost' [Consumption of alcohol in Russia: Effect on health and mortality]. *Analiticheskie otchetы i razrabotki CEFIR/NES* [CEFIR/NES Analytical Reports and Papers]. 2010, no. 31.
2. Martynenko P.A., Roshchina Ya. M. Struktura potrebleniya alkogolya kak indikator sotsial'noy gruppy v sovremennykh rossiyskikh gorodakh [Patterns of alcohol consumption as a social group indicator in modern Russian cities]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology], 2014, vol. 15, no. 1, pp. 20-42.
3. Nemtsov A. V. *Alkogol'naya istoriya Rossii: noveyshii period* [Alcoholic history of Russia: The new times]. Moscow: Librokom, 2009.
4. Roshchina Ya. M. Dinamika i struktura potrebleniya alkogolya v sovremennoi Rossii [Dynamics and structure of alcohol consumption in contemporary Russia]. *Vestnik Rossiiskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorovia naseleniya* [Newsletter of The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics], 2012, no 2, pp. 238-257.
5. Tapilina V. Skol'ko p'et Rossiya? Ob'em, dinamika i differentsiatsiya potrebleniya alkogolya [How much does Russia drink: the volume, dynamics, and differentiation of alcohol consumption]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2006, no. 2, pp. 85-94.
6. Andrienko Y., Nemtsov A. Estimation of individual demand for alcohol. *Economics Education and Research Consortium Working Paper Series*. 2005, no. 05/10.
7. Bhattacharya J., Gathmann C., Miller G. The Gorbachev anti-alcohol campaign and Russia's mortality crisis. *IZA Discussion Paper* 6783, 2012.
8. Chaloupka F.J., Grossman M., Saffer H. The effects of price on alcohol consumption and alcohol-related problems. *Alcohol Research and Health*, 2002, vol. 26, pp. 22-34.
9. Gil A., Polikina O., Koroleva N., McKee M., Tomkins S., Leon D. A. Availability and characteristics of nonbeverage alcohols sold in 17 Russian cities in 2007. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2009, vol. 33, pp. 79-85.
10. de Goeij M. C. M., Suhrcke M., Toffolutti V., van de Mheen D., Schoenmakers N. V., Kunst A. E. How economic crises affect alcohol consumption and alcohol-related health problems: A realist systematic review. *Social Science and Medicine*. 2015, vol. 131, pp. 131-146.
11. Edwards G., Anderson P., Babor T. F., Casswell S., Ferrence R., Giesbrecht N., Godfrey C., Holder H. D., Lemmens P., Mäkelä K., Midanik L., Norström T.,

- Österberg E., Romelsjö A., Room R., Simpura J., Skog O.-J. *Alcohol policy and the public good*. Oxford: Oxford University Press, 1994.
12. Ekström K. M., Ekström M. P., Potapova M., Shanahan H. Changes in food provision in Russian households experiencing perestroika. *International Journal of Consumer Studies*, 2003, vol. 27, no. 4, pp. 294-301.
13. Haworth A., Simpson R. *Moonshine markets: Issues in unrecorded alcohol beverage production and consumption*. New York and Hover: Brunner-Routledge, 2004.
14. Jukkala T., Makinen I. H., Ferlander S., Vagero D., Kaslitsyna O. Economic strain, social relations, gender, and binge drinking in Moscow. *Social Science and Medicine*, 2008, vol. 66, pp. 663-674.
15. Khaltourina D. A., Korotayev A. V. Potential for alcohol policy to decrease the mortality crisis in Russia. *Evaluation and the Health Professions*, 2008, vol. 31, pp. 272-281.
16. Kueng L., Yakovlev E. How persistent are consumption habits? Micro-evidence from Russia. *NBER Working Paper* 20298, 2015.
17. Lachenmeier D. W., Taylor B. J., Rehm J. Alcohol under the radar: Do we have policy options regarding unrecorded alcohol? *International Journal of Drug Policy*, 2011, vol. 22, pp. 153-160.
18. Lai T., Habicht J. Decline in alcohol consumption in Estonia: Combined effects of strengthened alcohol policy and economic downturn. *Alcohol and Alcoholism*, 2011, vol. 46, pp. 200-203.
19. Leon D. A., Shkolnikov V. M., McKee V. Alcohol and Russian mortality: A continuing crisis. *Addiction*, 2009, vol. 104, pp. 1630-1636.
20. Levintova M. Russian alcohol policy in the making. *Alcohol and Alcoholism*, 2007, vol. 42, pp. 500-505.
21. Livingston M., Callinan S. Underreporting in alcohol surveys: Whose drinking is underestimated? *Journal of Studies on Alcohol and Drugs*, 2015, vol. 57, pp. 341-343.
22. Mäkelä P., Tigerstedt C., Mustonen H. The Finnish drinking culture: Change and continuity in the past 40 years. *Drug and Alcohol Review*. 2012. Vol. 31. P. 831-840.
23. Mäkelä P., Bloomfield K., Gustafsson N. K., Huhtanen P., Room R. Changes in volume of drinking after changes in alcohol taxes and travellers' allowances: Results from a panel study. *Addiction*, 2007, vol. 103, pp. 181-191.
24. Moskalewicz J., Simpura J. The supply of alcoholic beverages in transitional conditions: The case of Central and Eastern Europe. *Addiction*, 2000, vol. 95, pp. 505-522.
25. Nemtsov A. V. Alcohol consumption in Russia: Is monitoring health conditions in the Russian Federation (RLMS) Trustworthy? *Addiction*. 2004, vol. 98, pp. 386-387.
26. Neufeld M., Rehm J. Alcohol consumption and mortality in Russia since 2000: are there any changes following the alcohol policy changes starting in 2006? *Alcohol and Alcoholism*, 2013, vol. 48, pp. 222-230.
27. Popova S., Rehm J., Patra J., Zatonski W. Comparing alcohol consumption in Central and Eastern Europe to other European countries. *Alcohol and Alcoholism*, 2007, vol. 42, pp. 465-473.
28. Radaev V. Divergent drinking patterns and factors affecting homemade alcohol consumption (the case of Russia). *International Journal of Drug Policy*, 2016. Available at: doi:10.1016/j.drugpo.2016.04.016.
29. Radaev V. Impact of a new alcohol policy on homemade alcohol consumption and sales in Russia. *Alcohol and Alcoholism*, 2015, vol. 50, pp. 365-372.
30. Skog O. J. The long waves of alcohol consumption: a social network perspective on cultural change. *Social Networks*, 1986, vol. 8, pp. 1-32.
31. Stillman S. The response of consumption in Russian households to economic shocks. *IZA Discussion Paper*, no. 411. Bohn: IZA, 2001.
32. Treml V. Soviet and Russian statistics on alcohol consumption. In: J. L. Bobadilla, C. A. Costello, F. Mitchell (eds.). *Premature death in the new independent states*.

- Committee on population, commission on behavioral and social sciences and education, National research council. Washington, DC: National Academy Press, 1997, pp. 220-238.
33. Treml V. Alcohol in the Soviet underground economy. In: G. Grossman (ed.). *Studies in the Second Economy of the Communist Countries*. Berkeley: University of California Press, 1986.
  34. Treml V. G. *Alcohol in the USSR. A statistical study*. Durham, NC: Duke Press Policy Studies, 1982.
  35. Vroublevsky A., Harwin J. Russia. In: M. Grant (ed.). *Alcohol and emerging markets: Patterns, problems, and responses*. Philadelphia: Brunner and Mazel, 1998, pp. 203-222.
  36. Wagenaar A. C., Salois M. J., Komro K. A. Effects of beverage alcohol price and tax levels on drinking: A meta-analysis of 1003 estimates from 112 studies. *Addiction*, 2009, vol. 104, pp. 179-190.
  37. White S. *Russia goes dry: alcohol, state and society*. New York: Cambridge University Press, 1996.
  38. *World Health Organization Global Status Report on Alcohol and Health*. Geneva: World Health Organization, 2014.
  39. Yakovlev E. Peers and alcohol: Evidence from Russia. *CEFIR/NES Working Paper series*. Working Paper 182, 2012.
  40. Zaigraev G. The Russian model of noncommercial alcohol consumption. In: A. Haworth, R. Simpson (eds.). *Moonshine Markets: Issues in Unrecorded Alcohol Beverage Production and Consumption*. New York: Brunner-Routledge, 2004, pp. 31-40.